

Кравченко И.О.,

кандидат юридических наук, доцент
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

Современные тренды развития экологической преступности в России

В настоящее время охрана природы относится к первостепенным задачам государства. Угрозы экологических бедствий и катастроф с каждым годом все громче заявляют о себе. В таких условиях особенно значимыми становятся научные исследования, нацеленные на поиск решений, способных уменьшить риск дальнейшего обострения экологической ситуации¹. Думается, что особый научный интерес представляют краткосрочные исследования, позволяющие выделить актуальные тренды и более детализировать отдельные аспекты в

характеристике изучаемого явления, которые не всегда могут быть замеченными при масштабных работах.

В течение пяти последних лет, т.е. с 2017 г. по 2021 г., доля экологических преступлений достаточно стабильно занимает нишу в общей структуре преступности России и варьируется в районе 1%. Так, в 2017 г. показатели числа зарегистрированных экологических преступлений составили 1,18% от общего количества выявленных преступлений в России; в 2018 г. – 1,2%; в 2019 г. – 1,09%, в 2020 г. – 1,1% и в 2021 г. – 1,01% (рис. 1).

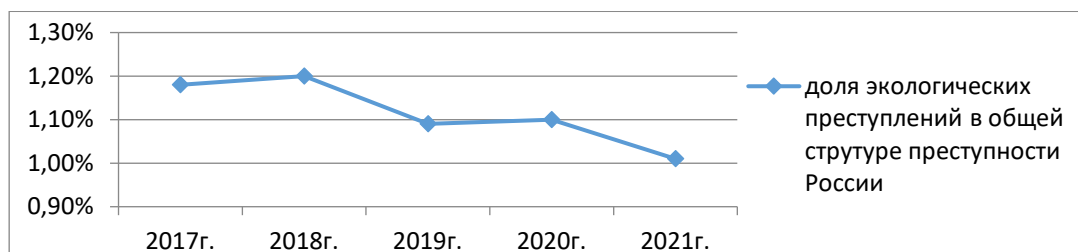

Рис. 1. Доля экологических преступлений в общей структуре преступности России за период с 2017 г. по 2021 г.

Однако на графике наглядно отображается стабильная тенденция с 2018 г. к уменьшению доли экологических преступлений в общих показателях регистрируемой преступности на территории России. Этот вывод подтверждается данными в абсолютных показателях регистрируемой экологической преступности. Если в 2017 г. были зарегистрированы 24379 экологических преступлений, то в 2018 г. – 23899 преступлений указанного вида, а в 2019 г. – 22230 (на этом этапе проявляется стабильное снижение рассматриваемых показателей). В 2020 г. наблюдается небольшое колебание, связанное с фиксацией незначительного роста зарегистрированных экологических преступлений в виде 22676, но затем данные 2021 г. не просто вернули, но

и закрепили обозначенную тенденцию к снижению, продемонстрировав наименьшие показатели за весь исследуемый период в виде 20228 экологических преступлений. В целом можно отметить, что с 2017 г. произошел спад показателей фиксируемой экологической преступности на 16,78% к данным за 2021 г. Таким образом, за последние пять лет произошло снижение зарегистрированной экологической преступности в России на одну шестую, что является серьезным фактором в характеристике динамики экологической преступности, игнорировать который недопустимо.

Необходимо отметить, что темпы сокращения числа регистрируемых экологических преступлений, заявившие о себе с 2009 г., в настоящее время явно

¹ Веревичева М.И. Экологические преступления в уголовном праве России. Ульяновск: УлГУ, 2018. С. 6.

замедляются. Другими словами, сейчас можно отметить, что продолжается снижение показателей регистрируемой экологической преступности, но не столь стремительно, как в предыдущее десятилетие. Вместе с тем нельзя игнорировать высоколатентный характер экологической преступности, когда подавляющая часть фактически совершаемых экологических нарушений остается без должной реакции государства в силу как объективных, так и субъективных причин. С учетом латентности экологической преступности продолжающееся снижение показателей регистрируемой ее части выглядит крайне настораживающим фактором.

Аналогичный характер развития событий наблюдается и при изучении данных о раскрываемости экологических преступлений и о количестве выявленных лиц, совершивших экологические преступления в обозначенный период. Раскрываемость экологических преступлений в рассматриваемый период снизилась в 2021 г. в целом на 13,17% по отношению к показателям 2017 г., а количество лиц, совершивших экологические преступления в рассматриваемый период, сократилось на 14,82%. Схематично представленные особенности отражены на рисунке 2.

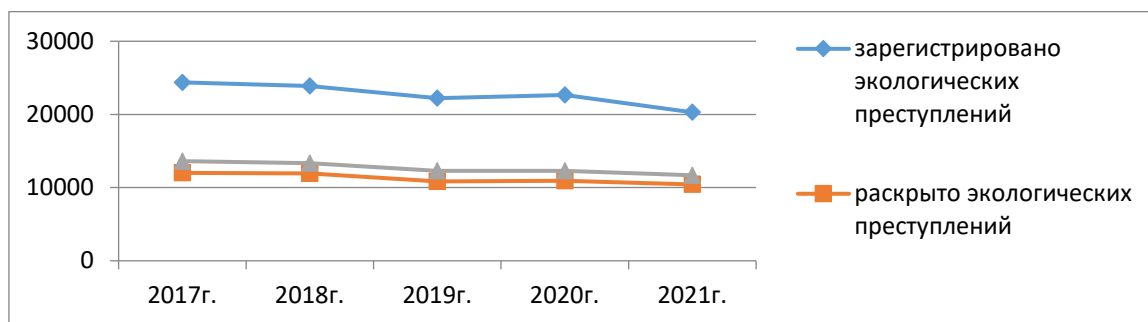

Рис. 2. Динамика экологической преступности за период с 2017 г. по 2021 г.¹

Обращает на себя внимание тот факт, что за весь период действия главы 26 УК РФ в судебной-следственной практике сформировался подход исключительной концентрации уголовно-правовых методов охраны природы на сферу борьбы с захватом природных ресурсов. Данная линия защиты в последние пять лет не претерпела серьезных изменений. По количеству лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение экологических преступлений, доминируют (в порядке убывания) ст. 260 УК РФ, ст. 256 УК РФ, ст. 258 и ст. 258.1 УК РФ². Более подробно обозначенную ситуацию рассмотрим на примере 2020 г. Так, наибольшее число осужденных за экологические преступления привлечены к уголовной ответственности за незаконную рубку лесных насаждений – их

число составило 2493 человека, т.е. 47% от общего числа осужденных за экологические преступления в указанный период. За незаконный вылов водных биологических ресурсов осуждены 2228 человек – 42% соответственно. Таким образом, в совокупности по ст. 260 и ст. 256 УК РФ были осуждены 89% лиц, совершивших экологические преступления. По ст. 258 УК РФ были осуждены 255 человек, что составляет 4,8%, а по ст. 258.1 УК РФ привлечены к уголовной ответственности 240 человек – 4,5% соответственно. В результате только на четыре указанные статьи (ст. 260, 256, 258 и 258.1 УК РФ) приходится 98,3% осужденных за экологические преступления, а на оставшиеся 14 статей главы 26 УК РФ – 1,7% экологических преступников (рис. 3).

¹ Состояние преступности в Российской Федерации. URL: <http://мвд.рф/dejatelnost/statistics>.

² Основные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020 год. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. 2021. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669>.

Рис. 3. Распределение лиц, осужденных за экологические преступления в России, в зависимости от вида совершенного преступления (2020 г.)

Достаточно распространено в науке утверждение о том, что глава 26 УК РФ «подвергается интенсивному реформированию, что свидетельствует о повышении заинтересованности законодателя к сохранению среды обитания»¹. Однако при рассмотрении активности законодателя в рассматриваемой сфере в течение пяти последних лет вывод напрашивается диаметрально противоположный.

Так, в последние два года на фоне продолжающегося снижения показателей зарегистрированной экологической преступности и ограниченности охраны природы лишь применением традиционных методов и классических составов данных преступлений (когда большая часть статей главы 26 УК РФ практически не работает на практике) вообще отсутствуют признаки законодательной заинтересованности, т.к. никаких изменений в статьи, предусматривающие уголовную ответственность за экологические преступления, не вносились. Только по одному закону, предусматривающему изменения рассматриваемых статей УК РФ, были приняты изменения в 2017 г. и 2018 г. и два соответствующих закона в

2019 г. Причем трижды за указанное время изменения были направлены на модернизацию ст. 258.1 УК РФ (введенную в 2013 г.), включая новую ее редакцию, что само по себе вызывает множество вопросов к законодателю относительно качества данной работы. Кроме того, были введены в действие новые редакции еще двух статей главы 26 УК РФ – это ст. 253 УК РФ и ст. 255 УК РФ, и ст. 258 УК РФ претерпела достаточно серьезные изменения в части введения нового отягчающего обстоятельства, примечания, раскрывающего признаки состава преступления и модернизации санкций.

В таких условиях не приходится говорить о масштабности и интенсивности реформирования законодательной базы экологических преступлений. Очевидно, что истоки проблем с декларативным характером большинства статей, предусматривающих ответственность за экологические преступления, сохраняющимся уже на протяжении 25 лет, – в самом уголовном законе, который, безусловно, нуждается в коренном и качественном реформировании.

¹ Кузнецова Н.И., Шкеле М.В. Экологические преступления: теория и практика правоприменения. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. С. 20.